Андрей РАСТОРГУЕВ

КИРИЛЛ И МЕФОДИЯ

Уральские поэты Вадим Осипов и Нина Ягодинцева составили и издали собственную «Азбуку жизни»

Вадим Осипов, Нина Ягодинцева. Азбука жизни: мужчина и женщина. – Екатеринбург, изд-во «Старт», 2005.

Если верить авторам этой книжки, зародилась она почти что случайно. Переписывались, как это нынче водится, по электронке, стихами обменивались. И, когда обнаружили, что нередко пишут на одну и ту же тему, решили: давай сведём эти стихи под одной обложкой. В результате, мол, и появилась на свет в Екатеринбурге «Азбука жизни».

Будь оба этих автора мужчинами, по обычаям нынешнего циничного времени над новоявленными Кириллом и Мефодием можно было бы изрядно поиронизировать. Здесь, однако, случай иной: екатеринбуржец Вадим Осипов и (ведь не скажешь «челябинка») живущая в Челябинске Нина Ягодинцева представляют читателю не просто свои стихи, но мужской и женский взгляды на мир – или, как гласит аннотация, сопоставляют «поэтические отражения основных понятий бытия». К таковым, судя по итоговому перечню, относятся почти девять десятков слов или словосочетаний, каждому из которых досталось по книжному развороту. И, соответственно, на каждом из этих разворотов – по два стихотворения, обозначенные вензелями аббревиатур, сложенных из имен и фамилий.

Поэты предупреждают: «наша «Азбука» следует не привычному алфавиту, а логике творческого познания». Такое соединение литературы и целенаправленного действия заставляет вспомнить о перформансе – жанре, отнюдь не обычном для традиционной поэтической школы, к которой имеют честь принадлежать авторы, издавшие уже не по одной собственной книге. Слегка походила на него и презентация сборника писательскому сообществу Екатеринбурга, когда Нина и Вадим оглашали некоторые из стихотворных пар.

То же самое чтение навеяло и другое – на мой взгляд, более органичное, чем с азбукой, сравнение. Авторы напомнили собой певческий дуэт, в котором голоса каждого из исполнителей то звучат в унисон, то, расходясь, должны рождать гармоничные созвучия. А выстроить их куда более сложно, нежели солировать под аккомпанемент собственного пульса…

Партия и впрямь у каждого из авторов своя. Если мужчина остается с **зеркалом** наедине, то женщина, вставая перед стеклом со свечою, проникает взором на ту сторону: «*Там дитя увидеть пытается:// Что за свет во поле скитается?*» Если мужская **душа**, ожесточившись, прямолинейно рвётся навстречу любви и надежде, то женская – упоенная талым снегом река, которая катит ладонями донные камушки и, щебеча скороговорками на галечных мелях, тоже бежит, но – к безграничному морю и высоким радугам в синей высоте.

Если мужчина, давая **имя** всему, что есть в округе, просто хочет обозначить приметы и предметы летнего тепла, то «брошенному вдруг» слову женщины отвечает песенка синицы, «*И взгляду – молния во тьме,// И вдоху – выдох урагана…*» И женщина хочет знать: «*…Сквозь каменное забытьё// На имя тихое моё// Какая вскинется стихия?*».

Судьба мужчины – сугубо земные дедова изба, «*Кочерга в ленивой саже,// Стол в исписанных листах,// Фортепианные пассажи// И налаженный верстак…*». У женщины – космическая Книга Судеб, где «*Склоняется небо, как чаша смертельной отравы,// И тёмною влагой питается зреющий хлеб…*»

Главная черта мужчины, рисующего **автопортрет** – хоть и слегка убавленная самоиронией, но все-таки гордыня: «*…Я, как Янус, обращен// В предстоящее величье…*». Лейтмотив женщины – смирение: «*Ты красавица? – о, нет! Ты счастливая? – да полно!..*». Мужская **исповедь** – языческое приземление: «*…Проплывут слова болотами// И развеются как дым…*». Женская – попытка христианского возвышения: «*Скажи мне, Господи, что светит –// Неужто снег, обычный снег…?*». Отдохнувшее в бане или даже утонувшее в водке мужское тело – вместилище болящей и горящей души, что всё-таки входит в него, когда тому одиноко. Женские душа и плоть – постоянно в неслиянном единстве: «*…Одна вослед, закрыв глаза, поёт,// Другая наземь падает и плачет…*».

Снова предельно предметны для мужчины **языки любви**: «*Клей листьев молодых и влага поцелуя,// Мгновенное касание волос…*». И снова духовны – для женщины: «*…Как спасительно и надёжно ты держишь*

душу!». И даже мужская **любовь к Родине** сугубо телесна: «*Как я на тебя ложусь,// А ты говоришь: «Легко…»,// Так же легло на Русь// Снежное молоко…*». В конечном итоге плотское перехлестывает всякие рамки, когда уже и не понять, с кем сближается поэт – не с самой ли Россией: «*…Так же срывая стон,…// Бьётся в снегу густом// Близкая мне страна…*».

Отдать всего себя и отдаться – в современном языке это ведь не одно и то же. И Блок, называя Русь женой, имел в виду совсем не это. К счастью, женщина-соавтор, обращаясь к Родине, остаётся верна поэтическому вкусу и традиции: «*В печали ты ясна – я повторяю это// Как заклинанье – вслух, и вся печаль во мне/ /Восходит, словно свет, а то, что прежде света,// Жемчужным холодком покоится на дне…*». И **Россия** для нее – любовь и ужас воедино: «*Пред вечной чистотой твоей// Смолкает в жилах кровь…*».

А вот уже, наверное, и унисон о **черновиках**, когда для различения голосов читателю могут потребоваться те самые аббревиатуры. «*…Бесконечно листаю тетрадь,// Не желая хоть капельку света// Меж зачеркнутых строк потерять…*». И «*…это благо, что не можешь// Себе наметить ту черту,// С которой вечность потревожишь,// А сам отступишь – в темноту…*».

А вот издалека пробиваются и гармонические обертоны. «*Слава Богу, что опять их количество нечётно…*», – радуется у Осипова цветочница, когда этот нечет выказывает радостный повод, по которому у нее покупают букет. А у Ягодинцевой она «*как смерть, наивна и юна*» в своем киоске-аквариуме, по стеклу которого, несмотря на стоящую за ним зиму, распластались, как плавники странных рыб, лепестки «*самых нежных хризантем*».

Созвучно и ощущение **разлуки**. Хотя мужчина, чувствуя, как «*стекленеет вода на осенней земле*», заклинает: «*Не хочу, чтобы ты уезжала!..*». А женщина, отпуская любимого, снежною стаей летит следом за ним: «*…Куда б ни направился ты,// Сиреневым утренним снегом// Твои заметая следы...*».

Однако читатель и сам может вдоволь поупражнять свой музыкальный слух в поисках созвучий и диссонансов, с которыми этот поэтический дуэт столь неожиданно и, пожалуй, совершенно беззащитно вышел на нашу литературную сцену. И столь же плодотворно – подумать о том жизнеутверждающем единстве, которое дарует миру разделение человечества на мужчин и женщин.

2005 г.